

ДИКТАТУРА БЕЗУМИЯ

Ирина Медведева,

Татьяна Шишова,
психологи, члены
Союза писателей
России,
соучредители
Фонда социально-
психического
здоровья семьи
и ребёнка

Очень многие вещи, о которых мы сейчас пишем, стали нам понятны далеко не сразу, порой через годы после какого-то первого импульса. Что это был за импульс, трудно объяснить, но, как правило, всё начиналось со смутного чувства: неловкости, беспокойства, внутреннего протеста... Логически мы обосновать этого дискомфорта не могли, а в случае, о котором сейчас расскажем, даже поначалу стыдились своей негативной реакции.

Необычный конгресс

Летом 1994 года, приехав на Международный конгресс по социальной психиатрии в Гамбург, мы увидели странную картину: заметное число делегатов конгресса выглядели как душевнобольные.

«Удивительно! Почему западные врачи так похожи на своих пациентов?» — подумали мы.

Но вскоре выяснилось, что это в самом деле пациенты. Мы снова изумились: как можно показывать больных людей огромному залу, будто зверюшек в цирке?

Западные коллеги снисходительно улыбнулись стереотипности нашего мышления и объяснили, что мы являемся свидетелями величайшего гуманистического эксперимента. Впервые на научном конгрессе пациенты психиатрических клиник, в том числе и страдающие глубокими расстройствами, будут делать доклады наравне с корифеями медицины. И они действительно их делали, перемежая подробные описания бреда и галлюцинаций с яростной критикой врачей и методов лечения, а также требуя для себя права на вождение машины, на работу в суде и прочих органах власти. Поведение врачей тоже, впрочем, было для нас непривычным. Они всё время что-то жевали, пили воду из бутылочек, громко переговаривались, вставали посреди выступлений — даже когда доклад делал учёный с мировым именем! — и косяками выходили из зала. Слушая же выступления пациентов, врачи почему-то очень веселились. Так потешаются дошкольники и младшие школьники, глядя на клоунов, дубасящих друг друга надувными молотками. Подобная бестактность шла вразрез с нашими представлениями о врачебной этике, но мы и это списали на совковую стереотипность.

В последний же день произошло нечто и вовсе невообразимое. Больные, на которых вся эта непривычная обстановка действовала возбуждающе, совершенно растормозились и уже без приглашения валом повалили на сцену, пытаясь дорваться до микрофона. Индианка с чёрными распущенными волосами, в ярком экзотическом наряде завывала, размахивая руками, которые были от плеч до запястий увешаны сверкающими браслетами. Так, наверное, неистовствовали древние пифии, впадая в экстаз. Другой, местный пациент (вернее, клиент — на конгрессе много говорилось о том, что из соображений политкорректности больных теперь нельзя называть пациентами, поскольку это ставит их в подчинённое, а значит, униженное положение), кричал, что ему в Германии тесно, не хватает свободы. И грозился сбежать в пампасы. А потом, оборвав себя на полуслове, запел песню тех самых пампасов или, может быть, прерий и принялся изображать ковбоя верхом на лошади. Но вскоре и песня была прервана, потому что любитель свободы подбежал к старому профессору, восседавшему в президиуме, и начал его душить. Устроителям пришлось поступиться правами человека, и раздухарившегося ковбоя вывели из зала. Что было дальше, мы, честно говоря, помним слабо. Осталось лишь впечатление кошмара, какого-то всеобщего беснования. У нас промелькнула мысль, что на следующем конгрессе душевнобольные, наверное, будут уже сидеть не только в зале, но и в президиуме. А через раз полностью захватят власть, обретя полномочия устроителей, ведь с их маниакальным напором они сметут на своём пути любую преграду.

Тогда нам эта мысль показалась скорее юмористической. Во всяком случае, мы не стали её развивать. Но теперь, глядя на то, что происходит сейчас в нашей стране, мы как-то очень живо припомним свои гамбургские впечатления. И подумали, что всё это не так далеко от истины, как нам казалось в начале 90-х! На конгрессе была воочию явлена одна из важнейших тенденций современного переустройства мира — стирание границ между безумием и нормой.

Догоняя Америку

Вообще-то разговоры о том, что нормальных людей в принципе не существует и что никто не знает, где кончается яркая личность и начинается личность психически нездоровая, велись давно. Мы, во всяком случае, помним подобные сентенции с самого детства. А кому незнаком расхожий миф о сепленности безумия и гениальности? Равно как и о том, что все талантливые люди хоть с лёгким, но приветом? Во времена застоя критическое отношение к психиатрии среди нашей интеллигенции углублялось ещё и практикой помещения диссидентов в сумасшедший дом. Случаев таких было не столь много, но зато они получали громкую огласку, ибо в брежневское время в «железном занавесе» появились бреши: кто-то слушал радиостанцию «Голос Америки», кто-то читал самиздатовскую литературу. И даже тогда, когда диссидент действительно был психически не вполне нормален, на это закрывали глаза, потому что восхищение храбростью человека, который подвергал себя риску во имя всеобщей свободы, перевешивало все остальные соображения.

Поэтому когда в перестройку разрешили сниматься с психиатрического учёта по желанию или вовсе не вставать на учёт, общество восприняло это законодательное послабление как торжество попранный справедливости. Казалось, что политические борцы наконец получили право снять с себя ложные обвинения. Но на деле вышло, что с учёта снялось огромное количество настоящих больных, ведь один из признаков серьёзной душевной болезни — это снижение критики. Больной неадекватно оценивает своё состояние, считая себя абсолютно здоровым, а близких, советующих ему лечиться, сумасшедшими или злодеями.

Мы часто склонны превозносить свою самобытность и первенство даже в каких-то отрицательных вещах. По логике «наши паралитики — самые прогрессивные». Но в данном случае подобную логику легко развенчать. В 1997 г. петер-

бургское издательство «Питер Пресс» выпустило книгу американского автора Э. Фуллера Торри «Шизофрения». В ней, в частности, рассказывается о так называемой деинституализации, разгосударствлении психиатрической помощи в США — процессе, включавшем в себя и резкое сокращение пациентов в государственных психиатрических больницах. Эта политика стала набирать в Америке силу с начала 60-х гг., как раз тогда, когда пошла разработка социальных проектов, вроде бы совсем разных и независимых друг от друга, а на самом деле связанных одной целью — построения глобалистского общества.

«Масштабы деинституализации, — пишет автор, — с трудом поддаются восприятию. В 1955 г. в государственных психиатрических клиниках насчитывалось 559 тыс. хронически больных. Сегодня их менее 90 тыс. Численность населения в период с 1955 по 1993 г. выросла со 166 до 258 млн человек, а это значит, что если бы на душу населения в 1993 г. приходилось такое же количество госпитализированных пациентов, как и в 1955 г., то общее их число составило бы 869 тыс. Следовательно, в настоящее время примерно 780 тыс. человек, т.е. более трёх четвертей миллиона, которые в 1955 г. находились бы в психиатрических лечебницах, живут среди нас». И подводит итог, говоря: «90 процентов из тех, кто сорок лет назад был бы помещён в психиатрическую больницу, сегодня в ней не находится».

По мнению автора, на такое положение дел во многом повлияла нашумевшая книга Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки», вышедшая в свет в 1962 г. В России более известен одноимённый фильм, снятый по этой книге. С подачи Кизи люди начали путать причину и следствие: госпитализация стала считаться одной из серьёзных причин психических заболеваний. И соответственно, в качестве лечения предлагалось просто выпустить больных на свободу. В фильме, как вы помните, эта идея воплощена в образе индейца, убегающего из сумасшедшего до-

ма, который подозрительно напоминает концлагерь. (Так что крик о «карательной психиатрии», поднявшийся у нас в перестройку, тоже был эхом, долетевшим с другого континента, когда появилась возможность сокрушить психиатрическую службу не только в Америке, но и в Советском Союзе.)

Фуллер считает, что Кен Кизи добросовестно заблуждался, хотел хорошего и просто чего-то не додумал. Но скорее тут заблуждается Фуллер, а Кизи был весьма искушённым человеком и добросовестно выполнял заказ. В 60-е гг. он играл одну из важных ролей в создании так называемой молодёжной контркультуры,

крупнейшего глобалистского проекта по внедрению идеологии неоязычества. В частности, Кизи читал лекции в Изаленском институте, девиз которого «Делай, что хочешь» был позаимствован у сатанистов. Зачем понадобилось разрушать психиатрическую службу, мы скажем чуть позже. Пока лишь отметим, что делалось это умышленно.

Читаешь эту книгу — и почти всё, что в ней написано о разрушении психиатрической помощи, может быть отнесено к нам. Надо только прибавить лет 30 — и получится ситуация в России. Например, Фуллер сетует на то, что услуги психиатров и психологов после разгосударствления психиатрических служб стали для многих недоступными. Специалистов сколько угодно, но они предпочитают заниматься частной практикой. Разве у нас не то же самое? До перестройки все психиатрические службы были бесплатными. Теперь во многих — в том числе детских! — официально лечат за деньги, и немалые.

Сильно возросла стоимость лекарств. Дешёвые отечественные препараты (такие, скажем, как пиразидол, азафен, френолон)

Кадр из к/ф
«Пролетая над
гнездом кукушки»

исчезли из продажи; перечень лекарств, которые больные с группой инвалидности должны получать бесплатно, теперь сильно ограничен.

Обратите внимание, что даже в таком ультракапиталистическом государстве, как США, психиатрическая помощь ещё недавно была бесплатной, поскольку душевные заболевания входили в разряд социально значимых и государство считало своим долгом, с одной стороны, покровительствовать таким больным, а с другой — обеспечивать здоровым их вполне законное право на психическую безопасность. Теперь, после смены «курса», не просто о психической безопасности нет речи, но и физическая часто не обеспечивается.

Ничего удивительного, что автор называет разгосударствление психиатрической службы «самым крупным провалившимся социальным экспериментом в Америке» и добавляет, что оно «сравнимо по своим последствиям со спуском на воду своеобразного психиатрического «Титаника».

Тем не менее эксперимент не только не прекращён, но и распространён на другие страны. В том числе на нашу. Результаты соответствующие: огромное количество бомжей, нелеченных алкоголиков, которые беспрепятственно терроризируют и взрослых членов семьи, и детей. А малолетние бродяжки, среди которых так высок процент психической патологии? Да и рост тяжких преступлений во многом на совести лукавых гуманистов.

Теперь человек, страдающий серьёзным психическим расстройством, может сколько угодно угрожать своим близким. Пока он не привёл свою угрозу в исполнение, не смей говорить о принудительной госпитализации. Муж одной нашей знакомой в состоянии психоза бросал с балкона тяжёлые предметы. И что, его удалось положить в больницу? Как бы не так! От лечения он отказывался, считая себя идеально здоровым. А жене, когда она пришла в психдиспансер, сказали: «Сожалеем, но ничем не можем помочь. Вот если б он не просто сбросил с балкона телевизор, а пришиб прохожего, тогда — да, мы бы за ним приехали. А в данном случае не имеем права».

И ещё раз мы вспомнили Германию. Как-то раз в Москве мы долго беседовали с немцем. Разговор был сложным и касался духовных проблем современной жизни. Обычно с иностранцами такие беседы длятся — если вообще возникают — очень недолго. Это их явно утомляет. А наш немецкий гость понимал всё с полуслова и был настолько захвачен разговором, что не проявлял ни малейших признаков усталости. И даже, забыв о европейском этикете, готов был проговорить до утра.

— А что думают по поводу обсуждаемых нами проблем люди вашего круга в Германии? — спросили мы, тайно вздохнув о том, что не встретили там столь близких по духу собеседников.

Лицо немецкого историка омрачилось.

— У меня нет круга. В Германии мне вообще некому это сказать.

— Почему?

Он ответил, не задумываясь:

— У нас «промывка мозгов» длится уже более 40 лет, а у вас она только началась. Так что в России ещё много нормальных людей, которые способны вникнуть в смысл происходящего.

Прогулки с профессором Ганнушкиным

Что ж, воспользуемся своим преимуществом. Оно, как ни парадоксально, заключается ещё и в том, что, навёрстывая упущенное, глобализаторы стараются поскорее закачать в нас все «достижения цивилизованного мира», к которым западные люди привыкали постепенно, в течение полувека. Поэтому плавной смены ценностей в России не произошло, как и тотальной адаптации к новой реальности: у многих она, наоборот, вызывает аллергию и отторжение. Но даже у тех, кто вроде бы хочет вписаться, ещё вполне свежа память о том, что в России традиционно считалось нормой, а что — психопатологией.

Ну, а коли так, давайте, пока у нас до конца не отшибло память, посмотрим, как жизненное пространство усиленно превращается адептами глобализации в различные отделения сумасшедшего дома.

Взять хотя бы моду. Проектировщики глобального мира, судя по всему, решили использовать её в качестве одного из сильнейших средств *патологизации* психики. Да, конечно, мода существовала всегда, но она, скорее, *отражала* процессы, происходящие в обществе, а не *формировала* их. (Скажем, необходимость пользования общественным транспортом вызвала некоторое укорачивание юбок.) С начала же 60-х гг., когда глобалисты заговорили о необходимости произвести в мире «сдвиг культурной парадигмы» и начали активно формировать «культуру рока-секса-наркотиков», моду стали использовать в качестве тарана, пробивавшего брешь в массовом сознании. Сперва шла раскочка контрастами: мини-юбки — макси-юбки; брюки-дудочки — широченные клёши; уз-

коносные туфли — квадратные носы; облегчающий силуэт — «мешок». Сначала перемены происходили довольно медленно, поскольку новая мода всякий раз вызывала у старшего поколения шок, общество сопротивлялось. Вспомните хотя бы, сколько дебатов вызывали туфли на платформе или на высокой шпильке. Но со временем мелькание кадров убыстрилось. Не успеешь глазом моргнуть, а мода кардинально поменялась. Но всё же примерно до середины 80-х мода всё-таки соответствовала своему главному предназначению, которое состоит в том, чтобы людей *украшать*. И одежда проектировалась и подбиралась так, чтобы *скрашивать*, скрывать природные недостатки внешности. Помните, ещё совсем недавно не только в модных, но и просто в женских журналах давались советы, как с помощью одежды замаскировать излишнюю худобу или, наоборот, избыточный вес, визуально сузить слишком широкие плечи или расширить чересчур узкие бёдра. Конечно, и тогда встречались толстухи, которые напяливали мини-юбку, но они были посмешищем для окружающих, а родные старались образумить модниц с таким дурным вкусом.

Но ближе к концу 80-х стали появляться силуэты и фасоны, которые не могли украсить никакую фигуру, а делали облик нелепым, карикатурным, клоуноподобным. Брюки со сборками на животе уродовали даже самых стройных девушек. Тут даже худышка выглядела пузатой! И вдобавок сужающиеся к низу брюки создавали впечатление огромного отвислого зада. Не дамские брючки, а мечта паяца!

Тогда же сделались популярными и совершенно несуразные мужские наряды. Например, красные брюки, рубашки с кружевными манжетами и гипюровыми жабо. Вот и получается, что в моде 80-х уже достаточно отчётливо прозвенели сигнальные звоночки, ведь и карикатурность облика, и стремление походить на существо другого пола, да и анахронизм в одежде — всё это психиатрические симптомы.

В последующие же годы в моде всё меньше оставалось смешных нелепостей

и всё больше появлялось нелепостей откровенно безобразных, уродливых и даже пугающих. Высоколобые умники заговорили об эстетике безобразного, искусствоведы — об агонийных (от слова «агония») формах искусства. Но мы не станем развивать агонийное искусствоведение, на то есть патентованные специалисты, получающие заграничные гранты. Мы лучше посмотрим на новейшую моду с точки зрения психопатологии. Интересно, что бы сказали корифеи русской и советской психиатрии, пройдясь по современным московским улицам, спустившись в метро, заглянув в молодёжную дискотеку? Корсаков, Ганнушкин или Кашенко могли бы не устраивать свои знаменитые профессорские разборки для студентов-медиков в стенах психиатрических клиник, носящих теперь их имена. Зачем извлекать больных из палаты и приводить в аудиторию, когда можно выйти на улицу и с приятностью устроить практикум на свежем воздухе?

Вот женщина не просто полная, а с болезненным ожирением. Но она в обтягивающих, больше похожих на рейтузы, брюках и такой же облегчающей майке. Да, не прошли даром так называемые fat-show, фестивали и клубы толстяков, в которых задавали тон звёзды эстрады, тоже, мягко говоря, не отличавшиеся художбой. На эту женщину теперь никто уже не обращает внимания. И разве она такая одна? Между тем это яркий пример сниженной критики, сопутствующей серьёзным психическим заболеваниям.

Вот старуха в джинсовой юбке, кроссовках и бейсболке с ярко-красным козырьком. Стиль девочки-семиклассницы. Ганнушкин, наверное, квалифицировал бы это как старческое слабоумие. Но сегодня за такой диагноз в сумасшествии обвинили бы самого Ганнушкина. Это ж так прекрасно, когда человек не помнит о своём возрасте и в семьдесят пять хочет выглядеть, как в пятнадцать! Значит, он молод душой, не унывает, верит, что у него ещё всё впереди...

А вот всамделишные пятнадцатилетние. Он в майке без рукавов, которая всегда считалась атрибутом нижнего мужского белья. Голые плечи обезображены татуировками. На одном плече дракон, на другом — какая-то харя. В ухе серёжки — по всему периметру ушной раковины. Осветлённые, как у женщины, волосы стоят дыбом. Вид довольно кошмарный, но ещё уродливей выглядит девица. Синими губами она напоминает покойника, чёрными ногтями на руках и ногах — того, кто не к ночи будь помянут, а выбритые на голове дорожки похожи на проплешины, которые бывают у страдающих трихотилломанией — очень тяжёлым невротическим расстройством, когда больные вырывают у себя на голове волосы, выдёргивают брови и ресницы.

Такое явное обезображивание своей внешности называется в медицине «порчей образа». Оно бывает при весьма серьёзных душевных расстройствах. Но если полистать свежие журналы мод, становится понятно, кто индуцирует безумие широкой публике. Журналы причёсок будто издаются в помощь ведьмам, чтобы они смогли привести себя в надлежащий вид перед тем, как лететь, на шабаш. Все представления о красоте волос вывернуты наизнанку.

Всегда ценились пышные, густые волосы. Теперь с помощью особых приёмов создаётся впечатление, что на голове три волосинки. А сколько усилий тратил парикмахер, чтобы добиться аккуратной стрижки, идеально ровной чёлки! Сейчас же модно стричь вкривь и вкось. Такую причёску уместнее было бы называть «растрёпкой» — неровные патлы ещё и старательно хаотизируют. Ну, и наконец, при самых разных модах на причёски никогда не оспаривалось, что волосы должны быть чистыми. Теперь их нужно специально засаливать и вдобавок превращать в паклю.

Неопрятность вообще сейчас поднята на щит. Юбки с перекошенным подолом или даже в виде лохмотьев, прорехи на джинсах, специально, художественно порванные пятки на чулках, рубашки, торчащие из-под свитеров или нарочно застёгнутые не на ту пуговицу, обвислые футболки, трёхдневная щетина... Но ведь неопрятность — тоже один из клинических симптомов. А если точнее — одно из важнейших указаний на шизофрению. Психиатрическому больному-хронику свойственно забывать, застёгнута ли у него одежда, давно ли он мыл голову или брился...

— Да ладно вам пугать! — возмутится читатель. — При чём тут психиатрические хроники? Мало ли как люди выглядят, чтобы соответствовать моде?

Но нельзя соответствовать моде чисто формально. Мазать губы синей мертвецкой помадой и при этом оставаться доверчиво-радостным ребёнком. Демонстративность, неряшество, уродство, непристойность моды диктует и стиль поведения. А стиль поведения уже прямо связан с внутренней сущностью человека. Даже те люди, которые рабски не подражают моде, всё равно варятся в этом соку и постепенно привыкают к уродству как к новой норме.

Если бы профессор психиатрии Ганнушкин, которого мы оставили проводить воображаемый практикум на московской улице, увидел пьющую из горла пиво беременную женщину в короткой летней маечке, заканчивающейся прямо над огромным голым животом с кольцом в пупке, он был бы вынужден развести руками и признаться своим юным коллегам, что это какое-то неведомое доселе, сложное, полисимптомное душевное расстройство. Зато наши современники вообще никаких болезненных симптомов тут не наблюдают. А что? Нормально! Надо же в чём-то ходить, когда жарко! Живот голый? Подумаешь! Что естественно, то не стыдно. Ну, а про пирсинг в пупке вообще смешно упоминать. Это и декоративно, и, может, там какая-то точка акупунктуры в пупке полезная. Да и потом, девушка, наверное, давно пупок проколола и просто забыла колечко вынуть. Замоталась — и забыла, перед родами сами знаете, сколько хлопот. А пиво пускай хлещет на здоровье, ребёночек тогда будет расти у неё внутри, как на дрожжах...

Сколько веков люди помнили, что женщина, которая ждёт ребёнка, должна вызывать чувство благоговения, ибо прообраз её — Богородица! И даже в безбожное советское время благоговение не выветрилось. Часто повторяли вслед за одним дореволюционным писателем: «Будущая мать всегда прекрасна»... И вдруг — разом всё позабыли... Прямо какое-то коллективное слабоумие по-

лучается или, в переводе на психиатрический язык, деменция...

Но деменция эта во многом рукотворна. И законодатели мод занимают среди её творцов далеко не последнее место. На какую головокружительную, олимпийскую высоту подняты представители этой профессии! Кутюрье, которых раньше называли модельерами и модельершами, а ещё раньше — модистками, закройщиками и портными, существовали с незапамятных времён. И люди очень даже нуждались в их услугах. Мы уже говорили, что одежда играла важную декоративную роль, особенно в жизни женщин. Поэтому к советам модельеров прислушивались. Но их как-то не принято было спрашивать, тем более в печати и по телевизору! — какая экономика нужна государству, какую сторону следует поддерживать в «военном конфликте» США с Ираком, стоит или не стоит легализовать продажу наркотиков, есть ли будущее у клонирования человека и что целесообразнее: сохранить призыв в армию или перейти на контрактную службу. Люди видят это на экране, слушают по радио, читают и думают: «Он такой умный, такой важный! Вчера показали в новостях, как он присутствовал на праздничном кремлёвском обеде. А этот, из Франции, с двойной фамилией, большой СПИДом, одевает королев... он вообще вчера по телевизору рассуждал о будущем планеты, и все ему смотрели в рот... Раз они такие великие, эти кутюрье, всё про всех понимают, значит, уж в своём-то деле они наверняка академики! Где тут у нас делают пирсинг? Надо идти...»

Как сводят с ума

Наряду с модными закройщиками «стилистами жизни» теперь назначены эстрадные певцы и популярные ведущие. Тут уже модели поведения транслируются не опосредованно через модели одежды, а напрямую. И представляют собой широчайший спектр психических отклонений, извращений (на профессиональном языке — девиаций и перверзий). Эстрадные певцы были

популярны и раньше. Но даже если кто-то из них вёл себя несколько экстравагантно, то, с поправкой на профессию, это не выходило за пределы нормы. Теперь же, по признанию самих артистов, если у тебя нет извращения или хотя бы какой-то «сумасшедшинки», приходится их себе придумывать. В противном случае забудь о карьерном росте.

Попробуйте однажды посмотреть на экран отстранённым взглядом. Пожалуй, для этого даже лучше выключить звук, чтобы зрительный ряд проступил более выукло. Часто уже немолодой артист или артистка задирают ноги выше головы, порывисто сбрасывают с себя одежду на сцене (страсть к публичному обнажению называется эксгибиционизмом), скачут козлом, дёргаются в конвульсиях на манер тяжелейшего неврологического заболевания — пляски святого Витта или болезни Паркинсона. У них выпученные глаза, как у больных в состоянии острого психоза. Ну, а если включить звук, то послышатся крики, вой, стоны, хрипы, и мы поймём, что имеем дело с безумием, которое старательно индуцируется залу.

И публика тоже начинает дрыгаться, свистеть, улюлюкать. Безумие заразительно, так что весь концертный зал, а то и стадион на время превращается в огромное буйное отделение сумасшедшего дома.

А вспомним молодого ведущего появившейся в конце 90-х музыкальной телеигры «Угадай мелодию». Поначалу многие люди недоумевали, почему этот симпатичный парень всё время принимает неестественно-вычурные позы. Почему его деревянная пластика напоминает пластику тростниковой куклы с острова Ява или движения в брейк-дансе? Люди более продвинутые успокаивали себя и других тем, что таков нынешний западный стандарт. Но ведь это тоже, по существу, ничего не объясняло. И лишь человек, профессионально знающий психиатрию, явственно видел перед собой очень точную, грамотную имитацию каталепсии — специфической пластики при определённых формах шизофрении. Невыносимо было смотреть на потуги уча-

стников передачи, которые пытались подражать ведущему-кукле. Выглядели они порой как-то совсем простецки, от них не веяло никакими западными стандартами. Но, вероятно, без этого «нового стиля» до участия в передаче просто не допускали.

Впрочем, это лишь предположение. А вот как натаскивали целый зал старшеклассников перед съёмкой передачи «Большая стирка», мы видели собственными глазами. Женщина-режиссёр командовала в микрофон:

— Когда я взмахну рукой, вы должны дать реакцию. Ну-ка, попробуем!

Подростки, часть из которых, судя по всему, была на телевидении не впервые, с готовностью заорали, заулюлюкали и засвистели. Режиссёр отрицательно замотала головой и резким жестом остановила шум. Выражение лица у неё было очень недовольным.

— Вы что, спите на ходу? Поехали по второму разу! — она опять взмахнула рукой.

Юные статисты завопили и заверещали что есть мочи. Но режиссёрша снова насупилась.

— Где драйв? Я не чувствую драйва! — заорала она в микрофон, как помешанная. — А ну-ка, ещё раз! Третья попытка!

Дети, взятые «на слабо», надрывались так, что, казалось, у них сейчас кишки полезут горлом. И, наконец, заработали одобрителный кивок. Съёмка началась.

Из приведённой сцены видно, что психотронное оружие — это не обязательно какие-то загадочные излучения, невидимо разрушающие человеческий мозг. Двадцати минут наглого напора оказалось достаточно, чтобы вызвать пусть временный, но массовый психоз. Да и по поводу временности вопрос спорный. Разве беснование может пройти бесследно для человеческой души? Ведь в следующий раз одного взмаха руки (или слова «драйв») будет для кого-то достаточно, чтобы в памяти всплыла вся цепочка стимулов, приводящих к безумному буйству...

Личность подростка, участвующего в подобных массовках — на телевидении ли, на стадионе, на рок-концерте или на дискотеке, — начинает искажаться. Практически все родители обращают внимание на то, что ребёнок становится повышено раздражительным, агрессивным, не терпит замечаний, заводится с пол-оборота. В нём появляется какая-то непонятная жажда разрушения, пропадает сочувствие, умолкает совесть, сердце будто глохнет, достучаться невозможно. Но ведь такая сокрушительная агрессия в сочетании с душевной тупостью — одна из главных характеристик гебоидной, или ядерной (затрагивающей самое ядро личности), шизофрении! И вот гебоидные шизофреники предлагаются нашим детям в качестве образцов для подражания. Герои компьютерных игр, с которыми отождествляет себя ребёнок, только тем и занимаются, что проламывают стены, поджигают дома, взрывают города и убивают всех без разбору. Гебоидными шизофрениками напшигованы и современные кинофильмы.

Вы возразите, что там, на экране, отрицательные персонажи. И это возражение верно. В нормальной реальности зрители обыч-

но соперничают положительным героям и не принимают злодеев. Но в реальности психогенной всё по-другому. Сейчас, когда творцы «нового глобального мира» делают всё, чтобы поменять полюса добра и зла, возвести зло в ранг нормы, а потом и в ранг добродетели (соответственно, низводя добродетель до уровня курьёза, а затем — до уровня порока), дети интуитивно чувствуют эту перемену знаков и хотят подражать злу, как они хотят подражать чемпионам.

У нас на психологическом приёме всё чаще появляются дошкольники, которым нравятся отрицательные персонажи: Бармалей, Карабас-Барабас, Баба-Яга, Кошей Бессмертный. Чтобы почувствовать, какое это серьёзное личностное искажение, постарайтесь вспомнить себя в этом возрасте и свою реакцию на сказочных злодеев. Вспомните, как вы содрогались от негодования и ужаса, когда злодеи творили свои злодеяния, как хотелось помочь Ивану-царевичу, Буратино, привязанным к дереву Танечке и Ванечке. А когда немного подрастали, какие проблемы возникали при игре в войну, потому что никто не желал быть «фашистом».

А как непросто было педагогу театрального кружка найти кандидатуру на роль отрицательного персонажа! Какие обиды часто возникали у получившего такое «спецпредложение»! Собственно говоря, у нас есть и личный опыт раздачи подобных ролей. Стая на своих психологических занятиях пьесу по мотивам сказки Д.Н. Мамина-Сибиряка «Серая Шейка», мы раньше регулярно сталкивались с нежеланием детей играть злодейку Лису. Приходилось по-лисий хитрить, выдумывать аргументы типа: «Ты такой талантливый актёр, покажи класс!» или: «Только очень большая актриса, будучи хорошим человеком, способна изобразить злодейку». Но в последнее время картина принципиально изменилась. Теперь не успеваем мы при чтении пьесы вслух дочитать её до конца, как сразу несколько ребят выкрикивают: «Можно я буду Лисой? Отдайте мне Лису! Нет, мне!»

И это в подавляющем большинстве случаев дети из культурных семей, где родители достаточно много занимаются их воспитанием. И патологии серьёзной у ребятшек нет, а вот садистические пристрастия — как у клинических больных.

Другие образчики безумия являет нам телереклама, где здоровые мужики смачно облизывают губы, сладострастно вздыхают, пускают слюни и в экстазе закатывают глаза, почти лишаясь чувств, когда пробуют йогурт, мороженое, пиццу. Такое несвойственное возрасту утрированно-чувственное отношение к еде свойственно душевнобольным, классифицируемым как «шизоидные инфантилы». Это дитя малое так зависит от вкусной еды, что для него отказ купить шоколадку — трагедия, а получение её — источник восторга. Нормальный же взрослый человек, даже любящий поесть, не шалит от одной только мысли о «вкусненьком».

А ведь ценностная ориентация инфантила только кажется такой безобидной. Особенно когда вспоминаешь о современных политической обстановке: о НАТОвских базах на территории бывшего СССР, бесчинствах Америки, которая ведёт себя как гигант-

ский распоясавшийся гебоид; включение России в «ось мирового зла», претензии Японии на Курилы, а Германии — на Калининградскую область, скупка иностранцами отечественных предприятий и земель. Вот на каком фоне взрослых, боеспособных мужчин приучают наслаждаться, выбросив из головы эти «глупости», — дескать, всё равно от нас ничего не зависит, — клинским пивом и выпечкой фирмы «Ням-ням» (название, приглашающее не просто впасть в детство, а отождествиться с младенцем, ещё не вышедшим из периода лепетной речи).

И актёры, которые корчат нелепые рожи, изображая пищевой восторг, одновременно с рекламой йогурта рекламируют патологический образ человека. «Согласно теории социального научения, как дети, так и взрослые, приобретают определённые установки, осваивают эмоциональные реакции и новые типы поведения кино- и телегероев (Bandura, 1973; Liebert, Neale & Davidson). Ввиду высочайшей эффективности и широкого распространения телемоделирования, средства массовой информации играют чрезвычайно важную роль в формировании человеческого поведения и социальных отношений», — пишет исследовавшая этот вопрос Н.Е. Маркова в книге «Технология уничтожения» (М., 2002).

Конечно, почва вспахивалась давно. Разве нормальным было поведение миллионов советских людей, которые жили, как бы не помня, что другие миллионы их соотечественников, в том числе близких родственников, погибли во время раскулачивания, были расстреляны как «враги народа», томились в лагерях? Мы не говорим о том, что надо было перестать жить, но то, что многие люди жили так, будто ничего этого вообще нет и никогда не было, свидетельствует о серьёзном нравственном повреждении. Ведь они даже дома не молились о пленённых и убиенных безбожными властями, а ходили в кинотеатры, устроенные в осквернённых храмах, веселились в парках, разбитых на местах бывших кладбищ, благодарили советскую власть за

то, что она дала им возможность отдыхать на курортах Крыма и Кавказа. Тогда, правда, и развлечения были не такими примитивными, как сейчас, и много места в жизни людей занимала высокая мотивация: построение светлого будущего, создание передовой науки, освоение целинных земель, завоевание космоса. На следующем же витке истории нравственная порча переросла уже в порчу психическую.

Эталоны, они же симптомы

Нельзя не упомянуть и о целенаправленном расщеплении массового сознания. И в теле-, и в газетной журналистике появился специальный термин: «нарезка». Это чтобы всего было по чуть-чуть и всё в одной куче. При этом редакторы с апломбом заявляют, что люди якобы разучились воспринимать мало-мальски объёмные и серьёзные материалы. Помнится, на заре перестройки режиссёр А. Михалков-Кончаловский, обогащённый опытом работы в Голливуде, рассказывал об особенностях требовательной американской публики.

— Внимание у тамошнего зрителя, — объяснял он, — очень суженное, как будто они смотрят в подзорную трубу. И очень кратковременное — они его не в состоянии зафиксировать на чём-то одном дольше минуты. Поэтому в Штатах такие высокопрофессиональные фильмы: никаких длиннот, только «экшн» (action).

Теперь такого «требовательного» зрителя формируют и у нас. А ведь Михалков-Кончаловский, сам того не подозревая — он же по профессии режиссёр, а не психиатр, — описал больных с так называемым полевым поведением и вниманием. Выражаясь профессионально, «суженным по типу коридора». Даже у детей полевое поведение считается нормой лет до двух, максимум до трёх. А тут оно у взрослых... Комментарии могут показаться бестактными.

Лучше перейдём к краткому перечислению других патологий, провоцируемых злополучной «нарезкой». Это и разорванность сознания, когда человек неспособен выстроить простейшую логическую цепочку.

Это (снова профессиональная терминология) скачка идей. Это эмоциональное оупение, которое возникает как патологическая защитная реакция на склейку трагических известий с нейтральными и даже радостными. («Маньяк зверски убил очередную жертву. Курс доллара остался прежним. Завтра открывается фестиваль пива».)

А ещё, когда человека ежедневно оглушают таким количеством шокирующих новостей, у него возникает — тоже защитного характера — амнезия. На войне подобные расстройства памяти нередко бывают следствием контузии. В сегодняшней же информационной войне роль снарядов и бомб играет умно скомпонованная и соответствующим образом поданная информация. Контуженные её взрывной волной телезрители с трудом вспоминают, что видели вчера. А уж политические события, за которыми они так напряжённо следили год назад, невозможно восстановить в памяти даже под дулом пистолета.

А сколько сил брошено на то, чтобы приобщить как можно больше людей к различным половым извращениям, которые (может, не все это знают?) тоже относятся к разряду психопатологии! Скажем, нашумевшая телепрограмма «За стеклом», кроме всего прочего, провоцировала такое психосексуальное расстройство, как вуайеризм (попросту говоря, это когда получают специфическое удовольствие, подглядывая в замочную скважину чужой спальни). Или взять передачу «Голая правда», где, сообщая новости, ведущие поэтапно раздеваются. А как подогреваются в СМИ монстрофилия (патологическая любовь к уродству) и педофилия (ещё недавно этот термин приходилось объяснять, но сейчас, увы, уже не требуется, телевидение позаботилось о просвещении масс)!

До недавнего времени хотя бы совсем маленьких детей оставляли в покое. Компьютерные игры, идиотские книжки и даже мультфильмы с Бэтменами и киборгами — всё это было ещё не для них. Но теперь появились разработки, охватывающие и эту возрастную группу. А то вдруг они за первые три года жизни успеют нормально сформироваться? Так появились «Телепузики»...

А скольким людям развинтили психику так называемым сетевым маркетингом! Наивно думать, что многочисленные приёмы запудривания мозгов влияют только на покупателей. Присмотритесь к агентам, распространителям и дистрибьюторам всяких там гербалайфов, цептеров и омолаживающих бальзамов. Разве можно считать нормальным человека, который, как заведённый, скандирует заученный рекламный текст, нисколько не ориентируясь на реакцию тех, к кому он обращается? Они могут его не слушать, могут даже попросить выйти и не мешать работать, если он пришёл со своим товаром в учреждение, — всё без толку. Пока этот живой граммофон не прокрутит свою пластинку до конца, его никакими силами не выключить. Согласитесь, такое поведение не назовёшь адекватным. Неадекватно и то, что «специалист по сетевому маркетингу» перестаёт дифференцировать людей на своих и чужих, всучивая «эксклюзивный продукт» (якобы вчера ещё секретную разра-

ботку военно-промышленного комплекса или лекарство, которым лечили только членов политбюро) всем без разбору, в том числе близким родственникам и закадычным друзьям. Хотя нормальный торговец на своих не наживается. Не реагирует одержимый распространитель и на ситуацию. На дружеской вечеринке, на похоронах, на свидании с девушкой он может в самый неподходящий момент вытащить из сумки образчик заветного товара и начать рекламную кампанию. Скажите, разве может всё это вытворять человек в здравом уме и твёрдой памяти? И разве обязательно быть крупным психиатром, чтобы диагностировать его нездоровье?

Усугубление признаков

А как губительна для людей истероидного склада (которых на свете не так уж и мало!) оголтелая сексуальная пропаганда и призывы раскрепоститься! Может быть, не всем известно, что «истерия» по-гречески значит «матка». Когда половые влечения гипертрофированны, особенно опасно эту сферу растормаживать, подогревать. Бытует, правда, мнение, что чем меньше себя сдерживаешь, тем лучше. В том числе и в интимной жизни. Отбросишь ложный стыд — и психика якобы успокоится. Но на самом деле всё наоборот. Истероидность (то есть конституциональная особенность нормального характера) может при подобной раскачке перерасти — и нередко сейчас перерастает — в натуральный истерический психоз.

— Никогда раньше не видел таких острых форм истерии, как сплошь и рядом вижу сейчас, — признался нам один психиатр с тридцатилетним стажем работы в крупной московской больнице. — Даже истерическую дугу можно увидеть, о которой раньше только в литературе читал (это когда в состоянии истерического припадка больная выгибается мостиком. — *Прим. авт.*).

Позволить истеричной женщине (а истерия по преимуществу женская болезнь, хотя в связи с феминизацией мужчин количество истериков среди представителей сильного пола существенно увеличилось) беспрепятственно удовлетворять свои нижепоясные желания — это всё равно, что позволить человеку, страдающему ожирением, есть столько раз и в таких количествах, сколько ему заблагорассудится. «Раскрепостившись», толстяк очень быстро отправится на тот свет. Но если больной ожирением вредит распущенностью только себе, то душевнобольной, которому общество позволяет распуститься, губит не только себя, но и других. Взять тех же истеричек. Раньше избытки их дурной энергии выплёскивались на окружающих главным образом в виде криков, скандалов, обид, внезапных слёз, которые так же мгновенно высыхали, как и появлялись. Пока общественная мораль не была расшатана, повышенное внимание истеричек к определённой стороне жизни часто оборачивалось парадоксами, вызывало насмешки со стороны окружающих. Но теперь, когда эротика в почёте, сексуально озабоченные граждане и гражданки уже не скрывают своих истинных пристрастий. И жизнь многих семей превратилась в ад. Нетрудно

себе представить, что слышит теперь муж «просвещённой» истероидной женщины, как она унижает его, попрекает мужским бессилием, как афиширует свои связи на стороне, ссылаясь на рекомендации, вычитанные в журналах и даже услышанные во врачебных кабинетах. А поскольку истерички демонстративны, они с удовольствием устраивают свои концерты на публике. В том числе и при детях. Страшно подумать, как калечится душа ребёнка, который слышит непристойные обвинения в адрес своего отца.

А какое сейчас раздолье для сексуально озабоченных учителей в школе! Валеология, уроки здоровья, элементы полового воспитания на уроках литературы, истории, не говоря уж о биологии, в которой при желании всё можно повернуть «в ту степь». Тем более что курируют соответствующую тематику в школьном образовании поистине «достойные» люди. К примеру, старый содомит с совершенно развинченной психикой, позирующий для газетных фотоснимков в трусах и кокетливо выставляющий напоказ голые ноги, он же академик Российской академии образования и чуть ли не главный консультант по вопросам полового воспитания школьников. А другой психбольной, госпитализированный в своё время с диагнозом «навязчивые сексуальные фантазии и прилюдный онанизм», теперь выступает как крупнейший сексопатолог по телевидению и окультуривает отсталых россиян, заявляя, в частности, что только в такой чудовищно дикой стране, как наша, до сих пор отсутствуют в школах уроки сексологии. Позор на весь цивилизованный мир!

Быстро, однако, реализовались наши гамбургские фантазии о сумасшедших, которые скоро будут диктовать нормальным людям свои правила человеческого общежития! И если бы дело ограничивалось только «сексуальными революционерами»... Коллеги-психиатры не раз нам говорили, что многим представителям современной власти легко можно поставить диагноз прямо по телевизору — настолько выпирает болезнь. И эти больные люди

в последние годы решают судьбу целой страны. Что, опять случайность? Но в это даже малое дитя не поверит. Особенно сегодня, когда нам неустанно объясняют, что без «раскрутки» пробиться наверх нельзя.

Тогда с какой целью создаются условия для главенства безумцев, а в конечном итоге и для превращения всего мира в психбольницу без врачей?

Группа поддержки

Мы уже неоднократно писали, что многие явления современной жизни, кажущиеся хаотичными и абсурдными, обретают логику в контексте глобализма. Проект создания всемирного государства предполагает не только отмену границ и единое экономическое и информационное пространство, но и отрыв людей от национально-культурной почвы, традиционной морали, традиционных норм поведения. Именно это и стоит за красивым словом «вестернизация». Хотя на самом деле термин обманчив, ибо и в странах Запада многие воспринимают происходящие процессы как нечто чужеродное. Они кивают на Америку, но и в Америке далеко не все в восторге от новых веяний и называют их «контркультурой», тем самым подчёркивая её враждебность нормальной, традиционной культуре. А кто же в восторге? Кому может нравиться культура «рока-секса-наркотиков», отказ от традиционных норм, уродство как эталон красоты, безнравственность и хаос? Кто способен легко адаптироваться в мире, где всё вверх дном? Ну, конечно же, люди с расшатанной, хаотизированной психикой, которые и сами склонны путать чёрное с белым.

А с другой стороны, отказ от традиционных норм поведения калечит и здоровых людей. Мы в этом много раз убеждались, видя девочек и мальчиков из богатых семей, где родители особенно падки на новые веяния. Изначально сохранная психика таких детей деформировалась от нетрадиционного воспитания. Причём настолько серьёзно, что помочь им было намного труднее (а подчас и невозможно!),

нежели детям с врождённой психопатологией. Так что вывод о теснейшей связи традиционных культурных норм с психическим здоровьем — это не теоретические измышления, а результат нашего многолетнего опыта.

Но зачем, опять-таки возникает вопрос, глобалистам нужен безумный, перевёрнутый мир, в котором уродство занимает место красоты, а порок назначается новой добродетелью? Ответ на этот вопрос неизбежно выходит за пределы прагматики. По-настоящему понять глобализм без его духовной составляющей нельзя. Лишь признав, что на наших глазах строится не просто новый, а антихристианский миропорядок, мы наконец перестанем недоумённо пожимать плечами и начнём вникать в суть многих разрушительных тенденций. В частности, той, о которой мы сейчас говорим.

В уже упоминавшейся книге Фуллера приводятся интересные исторические факты. Оказывается, ещё в XVIII в. случаи заболевания шизофренией в Европе были достаточно редки. «И вдруг внезапно, на переломе столетий, — пишет автор, — шизофрения появляется в той своей форме, которую уже ни с чем не спутаешь». В течение всего XIX в. количество заболеваний шизофренией возрастало. Но лишь в XX в. произошёл заметный рост числа душевнобольных. Сейчас США, например, считаются страной с весьма высоким уровнем заболеваемости шизофренией (7,2 больных на 1000 жителей). Фуллер, как легко догадаться, далёк от православной трактовки изложенных им фактов. Но для человека верующего очевидно, что отказ от Бога не может проходить бесследно для человеческих душ. Поэтому ничего удивительного, что вспышка шизофрении пришлось в Европе как раз на эпоху французской революции. Именно тогда была предпринята попытка отказаться от христианства, заменив его поклонением некоему Высшему Разуму. Безжалостно разрушались церкви, в алтарях на престолах восседали голые блудницы. В Америке же, которая в целом ещё достаточно долго оставалась страной с нерасшатанными религиозными устоями, число шизофреников увеличивалось не столь стремительно. Зато после Второй мировой войны, когда в Штатах обкатывался антихристианский проект создания контркультуры «МК-ультра», проблема шизофрении и прочих душевных заболеваний встала как нельзя более остро.

Так что же такое душевнобольной? Понятно, что когда человек заболевает телесно, значит, его организм не в силах справиться с какой-то инфекцией, какими-то вредными воздействиями извне. Душа же заболевает, когда она не в состоянии побороть «вирусы» страстей, и они одерживают над ней верх, завладевают ею и порой даже полностью подчиняют себе (что и называется одержимостью).

Простейший пример победы страсти над человеком — гнев психопата. Он ведь прекрасно знает (не только в 40 лет, но и в 4 года!), что кричать, угрожать, драться плохо. Но справиться с гневом не может. В состоянии аффекта, ослеплённый гневом, он и убить способен. Не то что врага — близкого, любимого человека! Потом, когда накал страстей спадёт, психопат будет искрен-

не недоумевать, как с ним такое приключилось. А иногда он и вовсе не помнит, что вытворял полчаса назад.

А что такое мания величия, как не одержимость страстью гордыни? Настолько сильная, что помрачает рассудок. Вот и представляет себя человек то Наполеоном, то президентом США.

Да, в крайних своих проявлениях душевнобольные становятся безумными, умалишёнными. Это состояние раньше вызывало у окружающих мистический ужас, потому что ум считался одним из главных Божьих даров человеку. «Божество есть ум и слово, «ибо в начале было Слово» (Ин. 1:1), — пишет святитель Григорий Нисский в трактате «Об устройении человека». — Недалеко от сего и естество человеческое. Видишь в себе и слово, и разум, подобие подлинного Ума и Слова».

Образы и лукавые подобия

А вот что говорит со ссылкой на апостола Павла дореволюционный священник Иоанн Ковалевский: «В разуме Бог положил существенную черту Своего великого образа в нас (Еф. 4:22–23), и по этой причине с отказом от ума, этого благодатного дара неба, человек теряет всё, что составляет истинное его величие, истинное его достоинство...» (Подвиг юродства. М.: Лепта, 2000).

При этом настоящий ум теснейшим образом связан с верой в Бога. «Мы имеем ум Христов (1 Кор. 2:16). И напротив, — не опытность в слове, но неимение веры» (Толкование на 1-е послание к Коринфянам. М., 1882). Просвещённый верой ум ведёт человека узким путём спасения, учит обуздывать страсти. Апостол Павел заповедовал нам, чтобы мы «не были дети умом: на злое были бы младенцы, а по уму совершеннолетние» (1 Кор. 14:20). Когда же страсти помрачают разум, который святые отцы называли светом души, человек, духовно ослепнув, становится рабом тьмы. Так, плодя безумие, антихристианские силы готовят для своего будущего правителя обширную группу поддержки. Группу или войско?

Как буквализировались сегодня высказывания апостола Павла: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (1 Кор. 3:19)! И в этом безумном мире элементарные христианские понятия могут быть сочтены сумасшествием. Поди скажи неправославным людям, что утрата невинности 17-летней дочерью — беда неизмеримо бóльшая, нежели потеря денег, положенных в банк. Или что уход сына в монастырь — не трагедия, а милость Божия. Знакомые начнут переглядываться и хмыкать. А если ещё добавить, что бесы — это вовсе не метафора, может воцариться неловкое молчание. Кто-то сочувственно вздохнёт: дескать, вот до чего доводит хождение в церковь. Совсем, бедняга, рехнулась...

И смотрите, что на сей раз использует дьявол, эта извечная обезьяна Бога, в качестве объекта пародии: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор. 3:18–19).

Формально этому наставлению следуют сейчас как никогда более старательно. Раньше, чтобы пробиться на ту же эстраду,

всё-таки нужно было иметь голос, хорошие внешние данные, умение красиво двигаться. Сейчас всё это необязательно. Зато необходим «свой имидж», по принципу «чем эпатажнее, тем больше шансов на успех». Прикинься безумным — не прогадаешь. Причём из всех видов патологий предпочтительнее сексуальные. Вон группа «Тату», имидж которых — школьницы-лесбиянки. Вообще-то это верх безумия — так популяризировать грубое половое извращение, да ещё в детской среде. Но с точки зрения современных антрепренёров и обывателей они умны не по годам: такая слава, триумфальное шествие по всему миру, денег вагон. Можно сказать, с младых ногтей обеспечили себе достойную старость. Другие, дуры, часами пиликают на скрипке, разучивают гаммы, заканчивают консерватории, чтобы потом работать в заштатном оркестре, а то и музработником в детском саду. А эти, мудрейшие, раз — и в дамках!

И умение рисовать теперь ни к чему. Кому ты нужен со своими пейзажами, натюрмортами, портретами, не говоря уж о батальных сценах? А вот художник Кулик, посадивший себя голого на цепь и изобразивший собаку, пошёл другим путём. Ему рукоплескал цивилизованный мир, опять же он заработал хорошие деньги... Каков мудрец!

Очень «мудро» прославил себя и писатель Сорокин, описав в своих романах копрофагию (поедание экскрементов) и антропофагию (поедание людей). Его мудрость оценили по достоинству и на родине, и за её пределами. На родине в некоторых школах даже включили его последний роман, нагруженный грязными ругательствами, в список рекомендованной литературы для внеклассного чтения. Мудрым слывёт и политик, на которого иногда так и хочется надеть смирительную рубашку. И идеологи проекта «Русский ислам» — абсолютно безумной идеи исламизации России и русских. Их мудрость признана и поощрена властями, на реализацию проекта выделены значительные средства.

Как маячит за всей этой вакханалией «мудрого безумия» глумливая усмешка её

вдохновителя! Наверное, и он считает себя большим умником, поскольку так ловко извратил смысл апостольского изречения.

Ведь апостол Павел, обращаясь к христианам города Коринфа, призывал их, естественно, не к беснованию, а к исповеданию Христа и к жизни по христианским заповедям. Жизни, которая «веку сему» может казаться безумием, но которая и есть настоящая мудрость. Безумными считались среди соплеменников те, кто отказывался бросить горстку благовоний на языческий жертвенник и с радостью претерпевал за это страшные муки. Но в конечном итоге они оказались мудрыми даже в «веке сем», ведь их слава пережила многие столетия.

А были среди христиан и такие, которые нарочито вели себя как безумные.

На первый взгляд, подобно сегодняшним ловкачам, избравшим сумасшествие в качестве выгодной бизнес-маски. О юродстве тоже ведь можно сказать, что это была маска. Но прикрывала она не хитрый расчёт снискать популярность и огрести кучу денег. Нет, под маской юродства таились мудрость, просветлённость, часто дар прозорливости. А главное, делалось всё это **Христа ради**, а не ради удовлетворения своих страстей и низменных желаний.

Во всех житиях юродивых подчёркивается, что в тайне от людей они усиленно

молились за весь мир и держали строгий пост, часто скитались, не имея ни жилья, ни вообще какой бы то ни было личной собственности.

Но и в древности, и в более поздние времена были псевдоблаженные, только внешне копировавшие поведение настоящих юродивых. Их симуляция маскировала лень, развращённость и бешеную гордыню. Именно по этой причине с XVIII века российские церковные власти перестали признавать юродивых и не благословляли этот особый вид духовного подвига.

В наше время, наверное, как никогда, поощряются антихристианские подобию юродства. Юродивые одевались в отрепья? Пожалуйста, у нас есть хиппи, бомжи и прочие так называемые неформалы. Юродивые ходили зимой босиком? Милости просим в секту Порфирия Иванова. Усиленно постились? Да теперь целые научные институты занимаются проблемой лечебного голодания. И любителей подобных диет немало. Ну, а уж то, что некоторые юродивые были почти или вовсе нагими, растиражировано ордами нудистов. Теперь на популярный московский пляж в Серебряном Бору нужно ходить с большой осторожностью. Иначе столкнёшься с целым стадом голых людей, которые купаются, играют в волейбол или карты, едят, нисколько не стесняясь своей наготы, а скорее, презирая тех, кто стесняется пребывать рядом с ними.

Чем вольготнее чувствуют себя в современном мире одержимые, тем важнее сохранять критерии нормы. Для этого не нужно никаких особых дарований, это под силу каждому человеку. Безусловно, лучше, когда людей в их духовной борьбе поддерживает государство, но не стоит тешить себя пустыми мечтаниями. Глобалистское государство будет играть за другую команду. Поэтому противостоять натиску безумия придётся нам самим. Хотя почему «самим»? Разве «живый в помощи Вышнего» может сказать, что он один? **НО**

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Влияние СМИ на формирование физических знаний школьников

Н.Ю. Соколова,

научный сотрудник лаборатории ТСО и медиаоборудования ИОСО РАО

Современный школьник находится в открытом информационном пространстве, которое создают главным образом средства массовой информации. Влияние информационного пространства на сегодняшних подростков столь велико, что они не могут оставаться сторонними наблюдателями. Учителям нужно научиться использовать пока не раскрытый дидактический потенциал мощных информационных потоков в интересах обучения и воспитания подрастающего поколения.